

На этот раз Хуай Сюй не отдернул руку.

Если подумать, то, по сравнению с беспокойством, он на самом деле не так уж и злился.

Он думал только о том, что Цзин Чжэнсюань не учился на врача, и что если он случайно повредит себе что-то важное, когда будет себя калечить?

Беспокойство полностью преобладало над гневом.

Что же касается сцены в больнице, то это было сделано исключительно для того, чтобы преподать Цзин Чжэнсюаню урок. Раз ему так нравится, когда о нем заботятся, пусть почувствует на себе все «прелести» этой заботы.

Хуай Сюй, не отрывая взгляда, смотрел на друга своими чёрными блестящими глазами, серьёзно и строго произнес: «Впредь не смей намеренно себя калечить».

Цзин Чжэнсюань, не отводя взгляда, посмотрел на него и кивнул: «Как скажешь».

Водитель сохранял внешнее спокойствие и с профессиональной выдержкой ничего не видел, не слышал и не спрашивал.

Когда они вернулись домой, тётя ещё готовила на кухне. Хуай Сюй усадил Цзин Чжэнсюаня на диван и снова взглянул на его рану.

«Болят?» — зрачки Хуай Сюя блестели, как у маленького оленёнка, полные сострадания.

«Не...» — Цзин Чжэнсюань, не договорив, по привычке исправился: «Немного».

Хуай Сюй бросил на него сердитый взгляд и выпалил: «Жди».

Он встал, подошёл к кухне, достал из холодильника пакет со льдом и, положив его через марлю на колено Цзин Чжэнсюаня, сказал: «Приложи лёд».

Тон его голоса был таким же холодным, как и лёд, но его действия согрели сердце Цзин Чжэнсюаня, и уголки его губ дрогнули в улыбке. «Угу», — ответил он.

-

За ужином Хуай Сюй вдруг спросил: «Что значит то, что ты сказал: „Привык уже“?»

Цзин Чжэнсюань остановил палочки над тарелкой и, словно задумавшись, спросил: «Я это говорил?»

Хуай Сюй кивнул: «Говорил. Очень тихо, прямо у моего уха».

Цзин Чжэнсюань опустил палочки для еды, сцепил пальцы на столе, несколько раз провернул большие пальцы вокруг друг друга и сказал: «Не помню».

«Цзин Чжэнсюань, — Хуай Сюй громко произнёс его имя, с укором в голосе. — Ты думаешь, что сегодняшнее дело уже забыто?»

«...» Цзин Чжэнсюань поджал губы, но всё же настаивал: «Правда не помню».

Хуай Сюй вскинул бровь: «Тогда я тебе напомню...»

С этими словами он начал пересказывать произошедшее, в мельчайших подробностях описывая время, место, обстановку и так далее, причём настолько точно и живо, что даже передал состояние Цзин Чжэнсюаня в тот момент.

Цзин Чжэнсюань понял, что если он ничего не скажет, это так просто не закончится.

Подумав об этом, он немного поразмыслил и рассказал Хуай Сюю некоторые незначительные детали.

«Ты помнишь Шэнь Ючжи?»

«Это кто?» — Хуай Сюй выглядел растерянным.

Цзин Чжэнсюань слегка опешил и спросил: «А Су Инин?»

Хуай Сюй поднял глаза кверху, пытаясь вспомнить, но всё же покачал головой: «И это кто?»

На лице Цзин Чжэнсюаня вдруг промелькнула лёгкая радость. Её было немного, но, присмотревшись, можно было заметить, что его губы уже не так сильно сжаты, как раньше.

Он окинул взглядом Хуай Сюя и, неуверенно, продолжил: «Гу Сяо, его помнишь?»

«Гу Сяо...» — Хуай Сюй задумчиво кивнул. — Этого помню...»

Не успел он договорить, как радость на лице Цзин Чжэнсюаня исчезла, сменившись

удивлением: «Ты его помнишь?»

«Конечно, разве это странно?» — Хуай Сюй почувствовал, что реакция Цзин Чжэнсюаня была немного странной, и непонимающе посмотрел на него.

«Вы же дрались с ним в детстве, ты забыл?»

Цзин Чжэнсюань: «...»

Он опустил голову, немного помолчал и, взяв палочки для еды, положил Хуай Сюю немного еды в тарелку, сказав: «Не забыл».

«Тогда почему ты так удивился, что я его помню?» — Хуай Сюй доел то, что было у него во рту, и, укоризненно глядя на друга, спросил: «Что с этими тремя? И как они связаны с твоим „привык уже“?»

Цзин Чжэнсюань снова опустил палочки, опустил голову и слегка откашлялся, прежде чем сказать: «Они все трое ходили с нами в один детский сад».

Хуай Сюй с изумлением посмотрел на него: «У тебя и правда отличная память, даже события из детского сада так хорошо помнишь».

Цзин Чжэнсюань спокойно посмотрел на него своими тёмно-кариими глазами и тихо произнёс: «Я ещё многое помню».

Он помнил, как в детском саду Хуай Сюй всегда заботливо ухаживал за другими заболевшими детьми, помнил и тех нескольких «маленьких пациентов», с которыми Хуай Сюй чаще всего играл в «больницу».

Более того, он помнил и тех, кто в начальной школе пытался отбить у него Хуай Сюя, помнил и целую толпу людей, которые писали Хуай Сюю любовные письма и признавались в своих чувствах в средней и старшей школе.

Цзин Чжэнсюань не то чтобы специально всё это запоминал, но он просто помнил всё до мельчайших деталей. Всё, что было связано с Хуай Сюем, он хранил в своей памяти, как самые дорогие сокровища.

Хуай Сюй перестал есть. У него было предчувствие, что то, что Цзин Чжэнсюань скажет дальше, будет самым важным.

Он опустил палочки и снова задал ключевой вопрос: «Они имеют отношение к твоему „привык уже“?»

«Да», — Цзин Чжэнсюань серьёзно кивнул. — В детском саду, каждый раз, когда кто-то из ребят заболел, ты начинал о них заботиться. Эти трое были одними из них».

Хуай Сюй: «-_-||»

Одними из них... значит, их было ещё много?

Неужели нужно было помнить всё так подробно?

Не говоря уже о детском саду, он и в начальной, и в средней школе всегда особенно заботился о заболевших одноклассниках.

Хуай Сюй, склонив голову, спросил: «И что дальше?»

Цзин Чжэнсюань слегка коснулся кончика носа и, откашлявшись, сказал: «Я тоже хотел... чтобы ты обо мне заботился, но я... редко болел, поэтому...»

Хуай Сюй: «?»

Он смотрел на Цзин Чжэнсюаня, ожидая продолжения.

«Оставалось только искать возможность... получить небольшую травму, и незаметно это... вошло в привычку», — подытожил Цзин Чжэнсюань и, закончив говорить, положил Хуай Сюю ещё немного еды в тарелку.

Хуай Сюй замолчал, не зная, что ответить. Подумав, он почувствовал некоторую вину. Возможно, если бы не он, Цзин Чжэнсюань не встал бы на этот путь саморазрушения.

Получив ответ, Хуай Сюй даже немного смутился. Цзин Чжэнсюань был так добр к нему, а он заставил его чувствовать себя неуверенно до такой степени, что тот был готов причинять себе боль только для того, чтобы о нём позаботились.

Хуай Сюй решил, что в будущем будет уделять другу детства больше внимания, чтобы у того не возникало ощущения, что его игнорируют.

«Ты всегда был самым важным для меня», — Хуай Сюй серьёзно посмотрел на друга.

Цзин Чжэнсюань встретился с ним взглядом, и уголки его губ невольно дрогнули в лёгкой улыбке: «Я знаю».

«Зная тебя, я не удивлён», — недовольно пробормотал Хуай Сюй, но в душе всё прекрасно

понимал.

Он знал, что Цзин Чжэнсюань очень властный. Ещё с детского сада он хотел быть для него самым лучшим другом на свете, и в детстве они бесчисленное количество раз притирались друг к другу.

Цзин Чжэнсюань был готов на всё, чтобы отогнать любого, кто приближался к Хуай Сюю, но Хуай Сюй был добрым и дружелюбным, ему не нравилось, как Цзин Чжэнсюань обращался с другими детьми, из-за этого он много раз обижался и даже не хотел с ним играть.

Позже Хуай Сюй понял, что бегство — не выход, нужно изменить Цзин Чжэнсюаня.

И тогда маленький Хуай Сюй начал объяснять всё маленькому Цзин Чжэнсюаню, как взрослому. Один говорил, другой слушал, и в конце концов они снова мирились.

Маленький Хуай Сюй думал, что его план по изменению друга удался, но он не знал, что Цзин Чжэнсюань ещё в раннем детстве научился водить других за нос.

Хуай Сюй посмотрел на друга напротив и предположил, что Цзин Чжэнсюань, возможно, снова почувствовал себя неуверенно.

В общем-то, это было понятно. До университета они были вместе почти каждый день, а теперь оказались в разных местах: один живёт в общежитии, другой — здесь. Цзин Чжэнсюань наверняка чувствовал себя немного не в своей тарелке или даже подавленно.

Дружба — это тоже работа.

И он сам виноват, что захотел пожить в общежитии и даже угрожал разрывом отношений. Цзин Чжэнсюаню, должно быть, было очень плохо.

Всё потому, что он не подумал о чувствах друга.

При этой мысли взгляд Хуай Сюя, обращённый к Цзин Чжэнсюаню, становился всё более жалостливым и полным раскаяния.

Он положил Цзин Чжэнсюаню в тарелку его любимое блюдо и с улыбкой сказал: «Не волнуйся, А Сюань, ты всегда будешь моим лучшим другом*, никто не сможет тебя заменить».

*Ха)

Цзин Чжэнсюань: «...»

Он тихо промычал в ответ и опустил голову, чтобы Хуай Сюй не увидел, как изменилось его выражение лица.

Там, где Хуай Сюй не мог видеть, уголки губ Цзин Чжэнсюаня, до этого слегка приподнятые, резко опустились, в его тёмно-карих глазах мгновенно погас свет, и всё его лицо стало безжизненным.

Он, опустив голову, машинально отправлял еду в рот, но совершенно не чувствовал её вкуса.

Когда-то Цзин Чжэнсюань считал, что быть лучшим другом Хуай Сюя — самое счастливое, что есть на свете.

Потом, неизвестно с какого дня, эта мысль изменилась, и ему стало недостаточно просто дружеских отношений.

Он хотел большего.

И он начал ненавидеть себя за это.

За то, что у него возникли такие чувства к Хуай Сюю.

Цзин Чжэнсюань долго сдерживался, но чем сильнее он подавлял свои чувства, тем сильнее они становились.

Хуай Сюй, глядя на макушку друга напротив, подумал, что тот снова растрогался, и тихонько усмехнулся.

В этот момент зазвонил его телефон.

Увидев знакомый контакт, Хуай Сюй приветливо сказал: «Тётя Цин, фотография А Сюаня получилась просто супер, правда?»

«Красивый, но не такой, как мой А Сюй. Этот парень всегда ходит с каменным лицом, вся красота пропадает, — посетовала Си Цин по телефону и тут же похвалила: — В конце концов, это всё благодаря тому, что А Сюй хорошо фотографирует, иначе он не получился бы таким красивым».

Хуай Сюй смущённо улыбнулся: «У вас слишком толстые фильтры, когда вы смотрите на меня».

«Это вовсе не фильтры, а чистая правда, — Си Цин тоже засмеялась вместе с Хуай Сюем, а

затем спросила: — Кстати, Чжэнсюань рядом с тобой? Я не могу ему позвонить».

«Да, рядом. Сейчас передам ему телефон», — Хуай Сюй протянул телефон.

Цзин Чжэнсюань немного помедлил и неохотно взял трубку: «Мам».

«А, ты ещё помнишь, что я твоя мама», — тон Си Цин мгновенно сменился с дружелюбного на саркастический.

Цзин Чжэнсюань ничего не ответил.

Си Цин глубоко вздохнула и спросила: «Ты что, заблокировал мой номер?»

«Да», — Цзин Чжэнсюань ответил кратко и больше ничего не добавил.

Си Цин тоже не стала тратить время на пустые разговоры и прямо спросила: «Столько дней прошло, ты всё обдумал?»

Цзин Чжэнсюань посмотрел на Хуай Сюя, указал на телефон, встал и пошёл в кабинет, закрыв за собой дверь.

Хуай Сюй, глядя ему вслед, слегка удивился. Раньше Цзин Чжэнсюань никогда не уходил от него, когда разговаривал по телефону.

Но они уже взрослые, иметь личную жизнь — это нормально.

Он не стал больше об этом думать и продолжил есть.

В кабинете Цзин Чжэнсюань с безапелляционным тоном произнёс: «Нет».

Си Цин явно опешила, а затем спросила: «Почему? Ты хотя бы мог встретиться».

«Не встречусь», — холодно ответил Цзин Чжэнсюань.

«Тогда я попрошу А Сюя тебя уговорить», — Си Цин знала, что Цзин Чжэнсюань обязательно послушает Хуай Сюя.

Цзин Чжэнсюань потёр переносицу и как гром среди ясного неба заявил: «Мам, мне нравятся мужчины».

P.S.: Как вы могли заметить, в этой главе я не могу не проявить свою волчью натуру и не поглумиться над Цзин Чжэнсюанем за его любовные провалы. Ибо нех*й уважаемый заставлял мое солнышко чувствовать вину за ситуацию, в которой он не виноват. ㄉㄣ (▲_▲) ㄉㄣ
Ты че, щенок, совсем ах*ел?! Я на жопной тяге чуть в космос не улетела...

А так всем~♡(◡ ◡)

Всем спасибо за прочтение! Если вам понравился мой перевод, я буду очень рада вашей "благодарности" в конце каждой главы~

(* 3~*)♡

<http://bllate.org/book/18163/1743141>